

Первый командующий. Генерал особенного доверия

От составителя.

При создании публикации использован материал (автор: Николай Сысоев), опубликованный на [сайте](#) Благотворительного Фонда социальной защиты сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск и членов их семей «Забота» при МВД РФ.

Введение

Ещё полтора десятка лет тому назад мало кто знал, что у российских войск правопорядка есть прямой исторический предшественник — внутренняя стража, которой командовал граф Е.Ф. Комаровский.

Ныне мы гордимся тем, что её организатором и первым командующим был человек незаурядных способностей — талантливый администратор и военачальник, участник Итальянского и Швейцарского походов русской армии под командованием великого русского полководца А.В. Суворова, руководитель петербургской полиции, императорский генерал-адъютант, кавалер многих российских и иностранных орденов, генерал от инфантерии...

Вновь открытые документы и найденные свидетельства современников позволяют нам сегодня говорить о графе Комаровском не только как о бесстрашном офицере, талантливом военачальнике, незаурядном государственном деятеле. Но и как о человеке кристально честном, оставшимся простым и доступным в общении, несмотря на занимаемый им высокий пост, отзывчивым и неравнодушным к судьбам тех, кто был вверен его заботам. В аттестационных листах таких верных служак в те времена отмечали — «генерал особенного доверия»...

Часть 1. Лейб-гвардии сержант

«Я родился 1769 года 18 ноября в Петербурге... Батюшка мой Федот Афанасьевич служил тогда в дворцовой канцелярии» — этими строками начинается любопытная старинная книжка под названием «Записки графа Е.Ф. Комаровского» — мемуары первого командующего внутренней стражей России.

Родительский дом Комаровских стоял «на Песках» — в историческом районе северной столицы, где ещё с петровских времён находилась военная слобода, в которой квартировали армейские и гвардейские полки. Здесь господствовал воинский дух, царила атмосфера походного солдатского бивака со всеми атрибутами ратной жизни. Засыпал малец и просыпался под бравурные марши и походные мелодии духовых оркестров. Выходит, военная стезя была предопределена ему с самого рождения. Ко всему прочему армейский мундир носили все предки

будущего «генерала от стражи». К примеру, его дед, Афанасий Несторович Комаровский, исправно служил унтер-офицером Бутырского пехотного полка, которым командовал один из «птенцов гнезда Петрова», храбрый генерал Патрик Гордон. А родной дядя, Иван Афанасьевич, отставной кавалергард, был офицером в знаменитой лейб-кампании – личной охране императрицы Елизаветы Петровны. И отец, Федот Афанасьевич, прежде чем стать чиновником, в молодости по дворянской традиции тоже состоял на военной службе.

Заслушиваясь увлекательными рассказами дяди-кавалергарда о боевых походах, ратных подвигах и славной кавалергардской истории, рано осиротевший Евграф в детских мечтах видел себя в гвардейском мундире среди храбрых офицеров – бесстрашных рубак и галантных кавалеров. Всё это, разумеется, не могло не повлиять на дальнейшую судьбу юноши. И он выбирает карьеру военного.

Евграф пришёл в неопиcуемый восторг, когда его восьми лет от роду «записали на военную службу», хотя и «без жалованья», в один из лучших полков русской армии – лейб-гвардии Преображенский. Правда, ему ещё надо было получить полагавшееся каждому дворянскому недорослю соответствующее образование. Для чего, «числящемуся в полку сверх комплекта» рядовому, оформляют отпуск для обучения в одном из лучших аристократических учебных заведений столицы – «пансионе г-на де Вильнёва».

Об этом, говоря современным языком, элитном частном общеобразовательном учреждении высоко отзывался влиятельнейший екатерининский царедворец князь А.А. Безбородко: «Де Вильнёв, человек весьма... учёный... Из его пансиона вышли многие знатные и весьма отменные молодые люди». К слову, однокашником Комаровского был юный граф В.П. Кочубей, в будущем первый министр внутренних дел России.

Учился Евграф прилежно, о чём свидетельствует первая запись в послужном формуляре будущего генерала: «Грамоте по-русски, по-французски и по-немецки читать и писать умею, и разные части математики знаю».

Затем Комаровский поступает в кадетскую роту лейб-гвардии Измайловского полка, где готовили дворянских юношей к офицерской службе. Вскоре сообразительный, дисциплинированный и грамотный кадет получает чин сержанта гвардии, что, согласно Табели о рангах, соответствовало офицерскому званию прапорщика армейской пехоты.

В екатерининские времена именно такие молодые смекалистые военные привлекались государственными мужами к выполнению различных поручений. Сержанту Комаровскому доводится «состоять для курьерских посылок» при князе А.А. Безбородко, занимавшем пост канцлера и фактически являвшемся министром иностранных дел. Благодаря этому обстоятельству молодой гвардеец побывает в столицах многих европейских государств — Вене, Париже, Берлине, Лондоне, посетит королевские дворцы и особняки влиятельных вельмож Европы. На светских раутах Комаровский познаёт тонкости дипломатии, а в остальное время старательно изучает принципы государственного, особенно военного устройства и полицейского дела в Европе. Эти знания ему вскоре пригодятся...

Часть 2. В свите великого князя

В августе 1792-го сбывается юношеская мечта Комаровского: он получает первый офицерский чин прапорщика лейб-гвардии Измайловского полка, что соответствовало армейскому поручику. Через семь лет он уже полковник и личный адъютант великого князя Константина — второго сына императора Павла I.

Тем временем в Европе полыхают войны, развязанные революционной Францией. В 1799 году русские войска под командованием А.В. Суворова, согласно обязательствам по второй антифранцузской коалиции, отправляются в Итальянский поход «воевать самонадеянного француза». Великий князь Константин, шеф лейб-гвардии Измайловского полка, принимает участие в этой заграничной военной кампании в качестве волонтера. Его сопровождает личный адъютант полковник Комаровский.

Великий князь и офицеры его свиты активно участвуют в основных сражениях и боевых операциях. Отряды русских войск под их командованием наносят ощутимые потери противнику и обращают его в бегство. Сам Суворов отмечает мужество и смелость Константина Павловича и его офицеров, представляет их к наградам. Полковник Комаровский «за храбрость при разбитии многочисленного неприятеля» получает шпагу с надписью «За храбрость», а также орден Святой Анны 2-й степени со звездой, усыпанной алмазами — «за отличия в сражении при Бастиньяно... и битвах при реках Тидоне, Треббии и Нуре».

Во время героического перехода суворовских чудо-богатырей из Италии в Швейцарию Евграф Федотович командует сводным гренадерским батальоном. Его храбрые гренадеры, прикрывая русские арьергарды, с боями успешно преодолевают обледенелые альпийские перевалы, храбро дерутся с французами у Сен-Готарда и Чёртова моста. Когда Комаровский вернулся с европейского театра военных действий в Санкт-Петербург, то «за понесённые ратные труды и оказанную при сём храбрость» был щедро осыпан наградами и царскими милостями. Павел I, принявший титул великого магистра Мальтийского ордена, жалует ему орден Святого Иоанна Иерусалимского и чин генерал-майора. Не отстают от русского императора и главы государств, избавленных русскими воинами от французских угнетателей: король Сардинии Виктор-Эммануил II награждает молодого генерала орденом Святого Маврикия, а монарх Священной Римской империи Франц II дарует ему графский титул.

Позже в «Военном журнале» генерал Комаровский опубликует свои воспоминания об Итальянском и Швейцарском походах, в которых с восторгом отзовется о полководческом гении Суворова, и героизме простых русских солдат: «Ежели одержанные в Италии Российские победы, уничтожившие с небольшим в 4 месяца 7-летние завоевания французов, почитались непостижимыми подвигами храбрости, мужества и искусства, то прешествие Альпийских гор, где на каждом шагу презирать долженствовало угрожавшую смерть, преодолевать всевозможные трудности, превосходнейшие неприятельские силы и, даже, саму природу, — есть верх незабвенной славы...».

Часть 3. Генерал-адъютант императора

Казалось бы, всё у генерала складывается как нельзя лучше. Но уже в мае 1800 года Комаровского неожиданно отправляют подальше и от двора, и от столицы. Он получает назначение военным комендантом пограничной Каменец-Подольской крепости, куда «непременно выехать был обязан незамедлительно». Вокруг Павла I сгустились тучи заговора, и он чуть ли не в каждом придворном видел изменника... Император вскоре действительно погибает от рук заговорщиков. Но, несмотря на весь трагизм сложившейся ситуации вокруг престола, начало правления его сына Александра I ознаменовывается крупными преобразованиями во всех областях государственного управления. Молодой царь окружает себя надёжными людьми – сторонниками намеченных реформ, и спешно возвращает в столицу Евграфа Комаровского. Он безгранично доверяет ему и зачисляет в свою свиту генерал-адъютантом.

Эта должность при молодом императоре превращается из синекуры, то есть хорошо оплачиваемой, почётной и не требующей особого труда, в один из ключевых придворных постов. А люди, её занимавшие, становятся приближенными монарха и его первыми советниками «по воинской части». Именно через них монаршая воля доводится до исполнения «в точном её смысле».

Однажды царю доложили, что на улицах столицы нередко «лихие люди чинят вред обывателям», а никакой «управы на них не сыскать». Присутствовавший при этом докладе Комаровский поведал государю об организации охраны порядка в австрийской столице Вене и об уважительном отношении тамошних жителей к полиции и закону. Выслушав адъютанта, Александр I назначил его помощником санкт-петербургского военного генерал-губернатора по полицейской части.

Ознакомившись с состоянием правопорядка в городе и найдя его плачевным, новый полицмейстер составляет проект «на счёт улучшения полиции». Его предложения просты до гениальности: он рекомендует с состоятельных домовладельцев «брать по девяти рублей в месяц», построить на улицах постовые будки, «посадить в оные будочников» из числа солдат и унтер-офицеров, «менее способных к фрунтовой службе», возложить на них охрану «порядка и благочиния» в городе, а жалованье и «провиантские» выплачивать им из собранных с горожан денежных сумм.

Сказано – сделано. Вскоре Александр I с удовлетворением отмечает существенное улучшение общественного порядка в столице и, поблагодарив полицмейстера за усердие, жалует ему бриллиантовый перстень со своим вензелем – знак особого монаршего благоволения.

Часть 4. Во главе внутренней стражи

К сентябрю 1802 года завершается, пожалуй, одна из самых серьёзных затеянных Александром I реорганизаций военной и полицейско-охранительной системы, которая увенчалась созданием нескольких министерств — военного, внутренних дел, юстиции и других.

В это же самое время генерал-адъютант Комаровский подаёт императору оригинальный, не имевший до этого аналогов проект,

предусматривавший создание «особого войска», наделённого полицейскими функциями – внутренней стражи.

Необходимость реформирования всей внутренней службы была вызвана неудовлетворительным состоянием дел с охраной правопорядка в стране в целом, с которым столичный полицмейстер познакомился во время путешествия из Санкт-Петербурга до Каменец-Подольской крепости, где он ещё недавно был военным комендантом. Теперь же генерал-адъютант спешил туда по делам личным: обустроить приобретенное в тех краях имение. Но в дороге Комаровский не забывал и о делах военных, государственных. «В проезд мой через разные города, — писал позже в своих мемуарах Евграф Федотович, — я видел гарнизонные роты, составленные из людей, по внешнему виду еще здоровых; сие подало мне мысль представить государю проект о сформировании из сих гарнизонных рот, в которых люди не исправляли ни малейшей службы, особливо в заштатных городах, под названием земского войска, разделив оное на батальоны и команды... Государю проект мой понравился, и, может быть, оный послужил основанием учреждения впоследствии внутренней стражи».

Но к проекту Комаровского государь обращается только в самом начале 1811 года. Сначала, опасаясь угрозы агрессии Наполеона, он реформирует и укрепляет армию, её боевой состав. Предложения графа реализуются поэтапно. Первый указ в этой области – от 16 января – направлен на то, чтобы «положить основание воинской внутренней страже». С этой целью предписывается на базе армейских гарнизонных батальонов сформировать внутренние батальоны с включением в их состав тех самых «губернских рот и штатных команд», в которых, по словам Комаровского, «люди не исправляли ни малейшей службы».

Далее, указом от 17 января уточняются задачи нового «войска»: внутренние батальоны «будут отправлять всё то служение, которое для охранения внутреннего спокойствия нужно, как-то: содержать при разных городах караулы, провожать... рекрутов, водить колодников и действовать по требованиям гражданского начальства на поимку воров, истребление разбойников и восстановление нарушенного порядка в селениях».

Уже к концу марта внутренние батальоны окончательно сформированы и приступают к несению службы по «охранению тишины и спокойствия». Наконец, 27 марта издаётся завершающий указ, упорядочивающий статус и подчинённость так называемых инвалидных рот и команд. Понятие «инвалид» в те времена носило совсем иной, чем мы подразумеваем сегодня, смысл. Инвалидами назывались ветераны, отслужившие в армейском строю по десять-пятнадцать и более лет, имевшие боевой опыт и способные справиться с караульной и гарнизонной службой гораздо лучше, чем необстрелянные новобранцы. Часть этих команд, влившись в состав внутренней стражи, пополняет гарнизонные батальоны на правах отдельно дислоцированных подразделений, и, разместившись в уездных городках, выполняет там функции стражей порядка. Таким образом, 27 марта становится днем рождения нового вида войск – внутренней стражи.

И последнее: 3 июня государь утверждает основной правовой документ, разработанный под руководством Комаровского, – «Положение

для внутренней стражи», законодательно закрепившее организацию особого вида войск и определившее основное её предназначение — «оберегать внутреннее спокойствие в государстве...». Чрезвычайно огорчает графа Комаровского то обстоятельство, что он не принимает непосредственного участия ни в Отечественной войне, ни в кампаниях 1813—1814 годов: в эти годы Александр I поручает ему лично заняться обеспечением армии резервами — сбором лошадей и мобилизацией рекрутов. Генерал-адъютант отнёсся к исполнению государева задания со всей ответственностью и знанием дела: уже к осени 1812-го формирует и укомплектовывает две полнокровные пехотные дивизии по шесть полков каждая.

Когда русская армия под командованием М.И. Кутузова переходит в наступление, то в освобожденные от французов города и сёла тут же вступают подразделения внутренней стражи — для несения гарнизонной службы, борьбы с мародёрством, грабежами, и проведения специальных мероприятий, с целью «устройства и охранения всякого порядка». Александр I полностью удовлетворён многогранной деятельностью свитского генерала и «за ревностное исполнение долга» награждает его орденом Святого Владимира 2-й степени.

О том, что вклад внутренней стражи и её командующего в победу над Наполеоном был весомым, свидетельствует следующий факт: в юбилейном издании «Отечественная война и русское общество», вышедшем в 1912 году, среди наиболее отличившихся генералов-военачальников помещён и портрет Е.Ф. Комаровского. В послевоенные годы Комаровский продолжает совершенствовать структуру внутренней стражи. В 1817 году по предложению командующего в её составе создаются специальные мобильные подразделения — конные жандармские дивизионы и команды, своего рода жандармский спецназ. При их формировании ставку делают не на количественный, а на качественный критерий. Как офицеров, так и нижних чинов отбирают «исправнейших, способнейших и преимущественно служивших в кавалерии». Конные жандармы согласно Положению «были непременно употребляемы для удержания полицейского порядка» на массовых мероприятиях, народных гуляньях, больших ярмарочных торгах, крупных церковных празднествах. Им также поручают охрану и сопровождение транспортов с государственными ценностями особой важности, поимку и конвоирование особо опасных преступников, другие ответственные задания.

Становление внутренней стражи происходит под контролем самого императора. Комаровский лично докладывает Александру I о возникающих проблемах и своих предложениях по их решению. Так, в марте 1816 года внутренняя стража получает статус оперативно-тактического объединения в виде Отдельного корпуса. Его командир старается лично вникать во все стороны жизни и деятельности стражников, интересуется их служебной деятельностью и боевой подготовкой. В воспоминаниях Евграфа Федотовича читаем: «Каждое почти лето я осматривал несколько батальонов и делал по несколько тысяч вёрст. Всякий раз я отдавал лично государю отчёт обо всём, что я видел, кроме установленного по форме донесения об инспекторских смотрах. Хотя должность моя была весьма

хлопотлива, но она доставила мне случай ознакомиться почти со всей Россией...».

Часть 5. Был в нём уверен государь

7 ноября 1824 года жители центральной части Санкт-Петербурга, разбуженные страшным грохотом ломающихся строений, шумом воды и воем ветра, поспешили к окнам. Их взору предстала ужасная картина: почти все мосты сорваны, фонарные столбы и сторожевые будки снесены, на улицах в полузатопленном состоянии плавали около двухсот мелких и средних морских судов. Столица подверглась небывалому доселе наводнению. «И всплыл Петрополь, как Тритон, по пояс в воду погружён», – так описывал А.С. Пушкин это стихийное бедствие в поэме «Медный всадник».

Александр I, потрясённый картиной разрушений, в первую очередь вызвал к себе самых надёжных из своих генерал-адъютантов – командующего внутренней стражей Е.Ф. Комаровского, шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа и командующего резервной кавалерией Н.И. Депрерадовича. «Я призвал вас, господа, чтобы вы подали самую деятельную и скорую помощь несчастным, пострадавшим от ужасного вчерашнего происшествия, — и у него приметны были слёзы на глазах. — Я уверен, что вы разделяете мои чувства сострадания, — и продолжал говорить с таким чувствительным красноречием, что мы сами были чрезмерно тронуты», – так вспоминал об этом событии граф Е.Ф. Комаровский.

Указания императора были по-военному чётки и лаконичны: в столице, говоря современным языком, он ввёл чрезвычайное положение. Своих адъютантов назначил временными военными губернаторами (военными комендантами. – Н.С.) наиболее пострадавших от наводнения районов города, передав в их полное распоряжение местную полицию и воинские части. Финансовые вопросы также разрешил быстро, без обычных бюрократических проволочек: каждый из комендантов получил от министра финансов по 100 тысяч рублей – на первые, самые необходимые расходы. Евграфу Федотовичу, которого царь почитал одним из самых честных, порядочных и исполнительных придворных, достался самый тяжёлый участок – Петербургская сторона. Современники, пережившие страшный удар стихии, свидетельствовали: «Нигде бедствие не было столь ужасно, как на Петербургской стороне. И вообще в местах низких, заселённых деревянными строениями. Там большая часть домов была повреждена. Иные смыты до основания, все заборы ниспровергнуты и улицы загромождены лесом, дровами и, даже, хижинами...».

Комаровский вместе с офицерами внутренней стражи уже на следующий день организовал широкомасштабную спасательно-поисковую операцию: приданными ему силами из военных и бригад добровольцев незамедлительно начал разбор завалов и извлечение пострадавших, разослал нарочных в близлежащие деревни, чтобы немедленно возвратиться в город стекольщиков, печников и плотников, которые по случаю наступления зимы и отсутствия заказов разошлись по домам, развернул кухни по приготовлению горячей пищи и раздачу её жителям.

Для обеспечения порядка и предотвращения мародёрства расставил караульных от внутренней стражи. В казармах Петербургского внутреннего гарнизонного батальона учредил швальню – пошивочную мастерскую, где нижние чины внутренней стражи в больших количествах изготавливали армяки, тулупы и прочую одежду, которую тут же раздавали нуждавшимся жителям. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, матушка Александра I, которая занималась благотворительностью, также выделила графу большую сумму денег, часть которой он сразу же распределил между остро нуждавшимися, а другую – передал священникам и церковным старостам – для «подавания милостыни бедным и нищим».

Комаровский, имея большой организаторский опыт, и на этот раз успешно справился с возложенными на него задачами. Графу удалось сдержать взвинчивание цен на товары первой необходимости, которые дельцы-торговцы пытались раздуть до запредельных размеров. В районе стихийного бедствия заботами Комаровского и подчинённых ему офицеров не было допущено возникновения эпидемий. А такая опасность была: после спада воды в домах и на городских улицах осталось немало тел петербуржцев, погибших во время наводнения.

Переданные в подчинение военному губернатору воинские подразделения и сформированные строительные бригады из местных жителей днём и ночью разбирали завалы, восстанавливали мосты, ремонтировали пострадавшие жилые дома и возводили новые жилища. Неустанно наблюдая за ходом восстановительных работ, императорский генерал-адъютант особо зорко следил за тем, чтобы в карманах подрядчиков и чиновников, ответственных за те или иные спасательно-восстановительные мероприятия, ни гроша казённого не осело, а всё пошло в дело.

Спустя несколько месяцев после наводнения Петербургскую сторону столицы посетил сам государь, который, по воспоминаниям Комаровского, «приятно был удивлён... найдя всё восстановленным и в лучшем, нежели прежде, виде и в такое короткое время...». Александр I не ошибся в своём выборе, когда поручал командующему внутренней стражей приводить в порядок наиболее пострадавший от наводнения район столицы. В награду «за скорые и деятельные меры в... подании первоначальной помощи жителям» и ликвидации последствий наводнения, император с чувством удовлетворения и благодарности удостоил графа особой, личной награды — осыпанной бриллиантами золотой табакерки с портретом августейшей особы. Так самодержец отмечал приближённых, заслуживающих его особенное благорасположение за государственный подход к порученному делу, бескорыстную службу и усердие.

Часть 6. За человеколюбивые поступки

Подстать своему командующему так же решительно и самоотверженно действовали при чрезвычайных обстоятельствах его подчиненные – офицеры и нижние чины внутренней стражи, которым в российских провинциях приходилось бороться с пожарами, последствиями наводнений и разрушительных ураганов. В глубинке они очень часто первыми вступали в борьбу со стихией. И почти всегда – с риском для жизни Генерал Е.Ф. Комаровский, долгие годы возглавлявший внутреннюю

стражу, был убеждён, что каждый самоотверженный поступок, совершённый его подчиненными, должен быть по достоинству вознаграждён. По его мнению, «наперёд следовало отмечать» служивых из нижних чинов, и тех офицеров, что вышли из солдатских рядов. Отмеченные вниманием начальства, они и в дальнейшем служить будут «усерднее и ревностнее втрое».

В 1818 году Александр I учредил особую награду – медаль с многообещающим названием – «За спасение человечества» (аналог современной медали «За спасение погибавших»). Она чеканилась двух видов – золотой и серебряной, носилась на шейной ленте ордена Святого Владимира и вручалась «за подвиги человеколюбия с риском собственной жизнью». Этот знак отличия, как никакой другой, подходил для награждения воинов внутренней стражи. К примеру, в ноябре 1823 года генерал Е.Ф. Комаровский донёс начальнику Главного штаба о том, что во время сильного пожара в одном из сёл «унтер-офицер Муромской инвалидной команды Иван Давыдов, возвращаясь с пятью рядовыми из города Вязники, куда препровождал арестантов, несмотря на величайшую опасность, вынес из двух домов, пламенем уже объятых, трёх малолетних ямщицких детей и спас от пожара принадлежащее ямщикам имущество». В заключение генерал ходатайствовал о поощрении бесстрашного унтер-офицера.

Император Александр I, восхищённый самоотверженностью и бесстрашием стражников, повелел наградить решительного унтер-офицера серебряной медалью с надписью «За спасение человечества» и сверх того от себя лично распорядился выдать отважным борцам с огнём денежное вознаграждение: Давыдову 100 рублей, а рядовым – по 25 рублей.

Надо полагать, что унтер-офицер, отмеченный милостью самого государя, с особой гордостью носил «при парадном мундире» заслуженную награду. Ведь тогда медали были редкими и вызывали у окружающих уважение и почтение. Что касается денежного вознаграждения, то неожиданно свалившиеся суммы были просто огромны. В те времена 100 рублей составляли около половины годового жалованья младшего офицера!

Аналогичное стихийное бедствие – сильный пожар, случилось в 1824 году в городе Луцке. О самоотверженных действиях местных стражников в борьбе с огнём сообщал Е.Ф. Комаровскому начальник 12-го округа внутренней стражи генерал-майор А.Ф. Красавин: «Начальник Луцкой команды, подпоручик Лялин, во время пожара, не взирая на опасность высоты и объятие пламенем крыши на церкви Покрова Святой Богородицы, взошёл наверх с 6-ю рядовыми той же команды и не допустил сию церковь сгореть, через что находившиеся в смежности с оною обывательские дома, остались неповрежденными и весь пожар, угрожавший при бывшем тогда сильном ветре дальнейшим распространением, благоразумным его распоряжением и принятыми мерами при содействии нижних чинов вверенной ему команды совершенно был прекращён».

Комаровский, восхищённый мужеством и бесстрашием своих подчинённых, навёл справки об отважном и распорядительном офицере и

с удовлетворением выяснил, что согласно формуляру, тот был «из солдатских детей». Службу начинал рядовым, вышел в унтер-офицеры, участвовал в сражениях с французами в Пруссии – при Прейсиш-Эйлау и Фридланде, воевал со шведами в Финляндии, за боевые отличия получил чин прапорщика. В Отечественной войне 1812 года отмечен орденом Святой Анны 4-й степени за то, что проявил себя «особою храбростию» в сражении у села Красное под Смоленском. Затем, уже в чине подпоручика, участвовал в заграничных походах русской армии и взятии городов Реймса и Парижа.

В 1814-м боевого офицера по болезни отправили «в гарнизонную службу» – сказались боевые походы и ранения – и назначили начальником Луцкой инвалидной команды. И здесь бывалый воин продолжал добросовестно служить Отечеству. Вот, например, как отзывался о подпоручике его непосредственный начальник полковник Яворский: «Осматривая Луцкую уездную инвалидную команду, нашёл её во всех частях исправною, нижние чины неусыпным старанием и деятельностью начальника команды подпоручика Лялина доведены до такого познания службы, какого только можно ожидать... Сверх того отличная исправность по службе и заботливость подпоручика Лялина о вверенной ему части, доказывается и тем, что с самого вступления его в командование оной... ни с места содержания, ни во время препровождения, ни одного арестанта упущено не было». Послужной список старослужащего офицера был отменным, а отзывы командования – превосходными.

Ознакомившись с представленными документами, Комаровский справедливо посчитал, что медали «За спасение человечества» для самоотверженного служки мало, и одновременно представил его к производству в следующий чин – поручика. Мудрый генерал, сам отходивший около десяти лет в гвардейских сержантах, хорошо понимал, что лучшей награды для офицера, чем очередное звание, не существует.

Часть 7. ...И на улучшение жизни крестьян

На тридцать третьем году жизни генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский женился на дочери предводителя орловского дворянства Елизавете Егоровне Цуриковой. Избранница графа, проживая в Москве, владела большим селом Городище, что на орловщине, которое в 1802 году перешло к мужу в качестве приданного.

При первом знакомстве с запущенным без хозяйского пригляда имением столичного генерала поразила нищета крестьян, бедственное положение деревень. И он решил построить суконную фабрику и небольшой кирпичный заводик, доходы от которых обратить на развитие хозяйства и улучшение жизни селян. Вскоре Комаровский открыл в Городище лазарет и школу, при коих учредил должности лекаря и учителя, оплачиваемые из собственных средств. У крестьянских детишек появилась возможность учиться грамоте, а у их родителей – работа на «малых предприятиях» барина и уверенность в завтрашнем дне.

Александр I, узнав о том, что в имении его генерал-адъютанта успешно работает небольшое мануфактурное производство, предложил ему приобрести у обанкротившегося владельца барона А.Ф. фон Раля ещё и суконную фабрику на Охте, притоке Невы. Евграф Федотович, человек

сугубо военный, не обладавший предпринимательской жилкой, пытался было отказаться. Тогда император высказал сожаление, что «русское дворянство совсем не содействует мануфактурной производительности страны», и что его адъютант «в этом случае подал бы добрый пример». При этом Александр I намекнул, что собирается приобретать у Комаровского сукно для своей гвардии. Генерал поддался уговорам царя, однако заявил, что у него, как это часто бывало у военных, нет достаточных средств на приобретение предприятия. На что государь, являвшийся горячим сторонником развития отечественных мануфактур, удовлетворённо произнёс: «Пора нам не платить столько денег иностранцам, это будет поощрением для прочих, когда увидят, что приближённая ко мне особа, мой генерал-адъютант, занимается мануфактурной частью, а в пособиях ты не сомневайся». Вскоре Комаровский получил от императора двести тысяч рублей, да ещё цесаревич Николай от себя присовокупил сто тысяч. И фабрика была куплена. Правда, приобретённое графом малое предприятие долго не могло начать работать как следует. Тогда Комаровский предпринял по военному решительные меры – при содействии царя оснастил фабрику самым современным европейским оборудованием и «выписал из Англии лучших мастеров». Дела сразу пошли на лад. И уже на открывшейся в 1829 году Первой Всероссийской выставке мануфактурной промышленности в Санкт-Петербурге сукна фабрики Комаровского были признаны лучшими, за что графу присудили большую золотую медаль. Поскольку лиц из привилегированных сословий, тем более дворян, живших в те времена на Охте, можно было пересчитать по пальцам, семейство Комаровских сразу стало очень уважаемым и почитаемым окрестными жителями. Образовавшаяся вокруг фабрики рабочая слобода получила название по имени её владельца – Комаровская. Вскоре граф получил возможность выкупить небольшой земельный участок на берегу Невы и построить близ суконной фабрики дачу. Внук императорского адъютанта Н.Е. Комаровский очень любил приезжать сюда на лето и вспоминал о том времени как о «самых счастливых днях своего детства».

Для удобства сообщения на месте переправы через Охту перекинули деревянный мост, также названный Комаровским. Современный каменный мост, построенный в 1960 году на месте старого, носит прежнее название, как напоминание о Комаровской фабричной слободе.

Часть 8. Последние годы жизни

... В 1825 году во время восстания декабристов генерал Комаровский твёрдо стоит на страже государственных устоев и трона. Рискуя собственной жизнью, лично объезжает каре мятежников и требует прекратить «охватившее их безумие». После подавления мятежа по личной просьбе Николая I организовывает охрану арестованных офицеров и конвоирование их в Петропавловскую крепость, состоит членом Верховного уголовного суда, выносившего приговоры декабристам... Около восемнадцати лет бессленно командует Е.Ф. Комаровский внутренней стражей. На этом поприще заслуживает чин генерала от инфантерии и высокие награды: ордена – Святого Георгия 4-го класса – за «25-летнюю беспорочную службу», Святого Владимира 4-й степени и

Святого Александра Невского – «за отлично-усердное служение в командовании Отдельным корпусом внутренней стражи и ревностное исполнение особых высочайших поручений». За плечами у графа – более сорока лет непрерывной военной службы...

В декабре 1828 года Е.Ф. Комаровский сдаёт командование Отдельным корпусом внутренней стражи достойному преемнику – герою Отечественной войны 1812 года генералу от артиллерии П.М. Капцевичу.

Графу уже без малого шестьдесят. Пора и на покой. Но, Николай I не отпускает генерала на «заслуженный отдых». В знак признательности за верность трону во время мятежа декабристов зачисляет его, говоря современным языком, в действующий резерв военного ведомства «по инфантерии тяжёлой» и назначает «состоять сенатором».

Однако годы неумолимо берут своё – генерал отходит от государственных дел и поселяется в собственном имении в селе Городище Орловской губернии. Здесь он обустроивает усадьбу и занимается облегчением жизни крестьян: на собственные средства строит в окрестных деревнях церкви, открывает школы, лечебницы и приюты.

13 октября 1843 года организатор и первый командующий внутренней стражи граф Е.Ф. Комаровский, как писали в некрологах тех времён, «исполнив все христианские обязанности, переселился в вечность на 74-м году от рождения...».

Смерть старого графа, последовавшая в губернском городе Орле, повергает его крестьян в глубокую скорбь. Как позже писал внук генерала Николай Егорович Комаровский, крестьяне Городища и окрестных деревень «по собственному почину явились за 35 вёрст в город и на руках отнесли его тело в Городище, где он похоронен в построенной им кладбищенской церкви».

Послесловие

Своими неустанными трудами на благо государства Российского граф Е.Ф. Комаровский сумел обеспечить расположение Александра I, который полагался на него во всех случаях, где требовалось точное исполнение, распорядительность и особенно такт в обхождении с людьми. Среди лиц, окружавших императора в первую половину его царствования, Комаровский выделялся мягким и ровным характером, что, в соединении с деловитостью и трезвой практичностью ума, делало его незаменимым исполнителем монарших поручений, требовавших одновременно и усердия распорядительного администратора, и твёрдости военного руководителя, и терпения умудрённого жизненным опытом человека, во власти которого находились тысячи человеческих судеб.